

ПОЧЕМУ Я НЕ ВЫСТУПИЛ НА ЗРИТЕЛЬСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Я давно знаю и люблю наш областной драмтеатр. На недавнюю зрительскую конференцию, посвященную итогам прошлого сезона и перспективам, шел с твердым намерением выступить. Хотелось поделиться тем, что меня порадовало на сцене, и тем, что огорчило. Но не сделал этого...

С докладом, который должен был задать тон всей конференции, выступил главный режиссер театра А. Михайлов. Когда он кончил, председательствовавший, директор театра А. Братышев, попросил выступать в прениях. Зал ответил длительным молчанием.

И понятно. Откровенный, товарищеский разговор, как известно, возможен при взаимной заинтересованности в нем собеседников. Не знаю: обещался ли доклад т. Михайлова в коллективе, но ясно, что открытого разговора со зрителями докладчик не хотел.

На целый час была сделана обычная «юбилейная» справка: премьер показано столько-то; с интересом смотрелись такие-то спектакли; заслуженные артисты сыграли одни роли, незаслуженные—другие, молодежь—третью; хорошо работают цехи; коллектив вел работу с самодеятельностью—будем ее расширять; коллектив может работать лучше—будем стараться; хочется поставить Горького, может, это будут «Дети солнца...», не плохо бы поставить Островского и т. д. и т. п.

Такой «дипломатичный» доклад можно делать каждый сезон—знай, подновляй перечень фамилий акте-

ров да названия пьес. В докладе не было серьезного творческого разбора даже основных постановок, не было раздумий художественного руководителя над путями театра. Без доверия к зрителям выступил т. Михайлов.

Взять хотя бы такие моменты.

Говорит т. Михайлов о высокой оценке на «Уральской театральной весне» артиста Ю. Гладкова в роли Коновалова-сына («Гостиница «Астория»). И все. Ну, а в целом, как прошел коллектив на этом первом фестивале театров Урала? Почему не от т. Михайлова, а из журнала «Театр» и газет приходится узнавать зрителям о неудачном выступлении в Свердловске?

Позабыл т. Михайлов рассказать зрителям и о смотре театров области. На нем областному драмтеатру также были сделаны существенные и справедливые замечания.

Помнится, что сезона два назад тот же т. Михайлов объявлял, что наш театр должен обрести «свое лицо» в творчестве, как театр уральский, рабочий... Так вот и надо было рассказать зрителям сейчас, как идут дела в этом направлении.

Мы, зрители, вовсе не собираемся умалять известных успехов театра—мы не забыли о присвоении в этом году почетных званий артистам М. Кренделю, И. Кастрелю, художнику Н. Ломоносову, рады удаче ряда спектаклей, но мы все же собрались на конференцию для делового разговора! А его трудно вести, когда хозяева тщательно избегают «острых углов».

Охота говорить после такого до-

клада у меня пропала. И не только у меня одного.

— ...Так, кто будет выступать?

Тов. Братышев смущенно называл фамилии по списку.

Выступил первый — преподаватель пединститута. Я знаю: этот товарищ интересуется жизнью театра, пишет о нем в газетах. Но сейчас ему, видно, тоже неловко. И он лишь деликатно замечает, что т. Михайлову не мешало бы выступить поглубже и самокритичнее...

— Кто следующий?

Конфуз, когда не явились заранее намеченные ораторы, когда их приходится, как клещами, вытаскивать на трибуну.

Выступило четверо, и т. Братышев, боясь, что пауза станет бесконечной, поспешил дать заключительное слово докладчику.

Конференция провалилась. И прежде всего потому, что понадобилась она лишь для «крыжика» в соответствующей графе плана работы со зрителями. Как иначе объяснить, что в сезон 1955/56 года конференции не было вообще, а теперь созвана, когда сезон уже кончился и давно начался новый?

Не воспитывает театр у зрителя вкуса к творческим обсуждениям, не видит для себя нужды прислушиваться к мнениям зрителей. Взять те же творческие отчеты артистов. Ведь зачастую это обычные концерты!

Разве так сложно было артистам и режиссерам заранее побывать в вузах, крупных учреждениях, на заводах—рассказать о предстоящей конференции, сказать, о чем бы театру прежде всего хотелось услышать мнение зрителей. Быть может, на таких встречах определялся бы и круг тем для разговора, о конфе-

ренции узнали бы многие и по-стоящему подготовились бы к ней.

Но зачем утруждать себя заботами? Есть другой «испытанный путь»: надо отпечатать некоторое число билетов и распространить их среди кого угодно—лишь бы полон был зал. Затем надо найти минимум ораторов с таким расчетом, что если, кроме них, больше никто и не выступит, будет все же считаться, что конференция прошла «на уровне».

Это больше всего огорчает.

Я понимаю: на научной, специальной теоретической конференции должно и можно заранее определить, кто выступит и по какому вопросу. Но «организовывать» подобным образом зрительскую конференцию—это значит не верить в зрителя, бояться: а вдруг несознательные не выступят? Меня обижает и возмущает фраза на афише: «Вход по пригласительным билетам». Почему не написать: «Вход свободный для всех, кто любит театр. Вход запрещен для тех, кто ходит на любые конференции единственно ради культобслуживания».

Угрозы, что при свободном проходе на конференцию зал будет ломиться от людей, пона не предвидится. Сейчас, например, было распространено 700 билетов, а если в зале сидело человек 150, то это уже хорошо. Конечно, в городе гораздо больше любителей театра. И, конечно, не дожидки был в тот вечер помехой. Все дело в том, что взялись за устройство конференции формально, лишь бы провести...

В коллективе театра, несомненно, знают выступления Н. С. Хрущева «За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа». Не пора ли, товарищи артисты и режиссеры, на деле завязать настоящую дружбу со зрителем?

З. ТРЕГУБОВ,
юрист.